

Солдатскій киверъ осѣнилъ
 Главу, достойную вѣнка,
 И Чайльдъ-Гарольдова тоска
 Лежить на сердцѣ у того,
 Кто не боялся никого...
 Но на призывный, дружный гласъ
 Отвѣчу я въ послѣдній разъ;
 Еще до смерти согрѣшу
 И листъ бумаги испишу.
 Прочти его, и согласись,
 Что если средства нѣтъ спастись
 Отъ угнетенья и цѣпей,
 То жизнь страшнѣе ста смертей,
 И что свободный человѣкъ
 Свободно кончить долженъ вѣкъ...

.

Опытъ злой
 Завѣсу съ глазъ моихъ сорвалъ
 И ясно, ясно доказалъ,
 Что добродѣтель есть мечта,
 суета,
 Любовь и дружба—пара словъ,
 А жалость—мщеніе враговъ...
 Одно подъ солнцемъ есть добро—
 Неочиненное перо...

.

Въ столицѣ русскихъ городовъ,
 М, монаховъ и поповъ,
 На славномъ валѣ Земляномъ,
 Стоитъ гостепріимный домъ;
 Сей домъ больницею зовутъ—
 И много въ немъ здоровыхъ мрутъ;
 Въ сосѣдствѣ съ нимъ стоитъ другой,
 Кругомъ обстроенный, большой,—
 И этотъ домъ извѣстенъ намъ,
 Въ Москвѣ, подъ именемъ «казармъ»;
 Въ казармахъ этихъ тьма людей,
 И ночью множество
 На нарахъ съ воинами спать,
 И веселятся и шумятъ;
 И на огромномъ томъ дворѣ
 Какъ будто въ ямѣ иль дырѣ,